

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков
Конус Морзе

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков
Конус Морзе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42129293

ISBN 9785449654809

Аннотация

В наше время на производственные темы почти не пишут. А жаль. Это очень интересный, познавательный и поучительный материал. В данной книге автор пытается дать представление о том, как трудились, общались, отдыхали, развлекались рабочие люди в советское послевоенное время, а также показать, как они относились к своим обязанностям, к власти, к государству. И как к ним относилось государство и общество.

Содержание

А С Я	5
НЕДОСТУПНАЯ ФИФА	12
ПАСХА	22
ТОПОР КАК СИМВОЛ	31
БАС-БАЛАЛАЙКА	37
рЕВЕ ТА СТОГНЕ	45
СКРОМНОСТЬ НЕ УКРАШАЕТ	54
ПРОФЕССОР РЕЗ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Конус Морзе

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2019

© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-5480-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ленинградский двор

А С Я

Дядя Миша дорабатывал последний год перед пенсией. Что-то он очень быстро состарился. Что такое шестьдесят лет? Ну конечно не расцвет, но и не закат, не полный же аут. А дядя Миша при лысине на всю голову, мохнатых бровях, всклокоченной седой бороде и водянистых глазах, утонувших в складках кожи, походил на библейского старца.

Он уже плохо разбирался в чертежах и неуверенно пользовался штангенциркулем. Поэтому выполнял он самую простую и дешевую работу – обдирал болванки, поковки и отливки. Работа простая, но нужная. Дядя Миша, стачивая с заготовок лишний металл, освобождал классных токарей от траты времени на неквалифицированный труд.

И вот дяди Миши не стало. В смысле не стало в цеху, а оказался он в Эрисманке, в хирургии.

Обычно, молодежь помогала старику устанавливать на станок объёмные заготовки, а тут дядя Миша решил сам зажать в патрон тяжеленную поковку. Что-то старый токарь расслабился. Поковка вырвалась из рук, отскочила от станины и сверзилась ему на ногу, отдавив пальцы и что-то там сломав. Токарный участок остался без обдирщика.

Штангенциркуль

Поскольку обдирать заготовки было необходимо, то мастер поставил на обдирку Лёшку Барсукова. Это было унижение типа пощёчины. На участке была парочка недавних фабзайцев, токарей третьего разряда. Обдирать болванки было для них самое то. Но гад-мастер поставил на эту неквалифицированную работу Барсукова, который только что сдал экзамен на токаря пятого разряда.

Мастер мстил! Барсуков как учащийся вечерней школы рабочей молодежи имел ряд льгот, что очень раздражало мастера. Кроме того, Лёшка часто манкировал работой, занимаясь в рабочее время подготовкой к контрольным работам, к сочинениям. Ко всему ещё он часто вступал в пререкания

с мастером. Вот мастер и поставил его на обдирку.

Дядю Мишу в больнице не оставили. После необходимых хирургических воздействий ему наложили на ногу гипсовую повязку, выдали костыли и в сопровождении жены и сына отправили домой. С телефона-автомата жена дяди Миши позвонила в цех и сказала, что врачи освободили его от работы на десять дней.

Утром следующего дня заступил Лёшка на вахту обдирщика. Прежде всего он взялся за поковку, которая покалечила дядю Мишу. Конечно, зря старый обдирщик пытался закрепить её в патроне. Она в патроне не закреплялась. Лешка снял патрон, установил вместо него планшайбу и на ней зафиксировал поковку. После этого, бросив руку на заднюю бабку, Лёшка принял позу скучающего бездельника.

Мастер ходил дальними кругами, наблюдая за Лёшкой. Наконец он не выдержал и подошел к нему:

– Барсуков, ты почему не работаешь?

– Так резцов нет, товарищ мастер.

– Как это нет?

– Да так и нет! Они лежат в тумбочке дяди Миши, а тумбочка закрыта на замок

– Возьми свои резцы.

– Так они у меня не для обдирки. Сразу сядут. А у дяди Миши резцы специальные, массивные с наплавкой.

Мастер задумался, а затем решил:

– Айда в конторку. Узнаем адрес дяди Миши, а ты слетаешь к нему и возьмешь ключ.

Дядя Миша жил в большом доме на Ткачей. Когда Лёшка вошел во двор, он сразу почувствовал некую настороженность. И юные охламоны, игравшие в пристенок, и три хмыря, тянувшие пиво за шахматным столиком, внимательно оглядели Лёшку. Один из них неприязненно спросил:

– Ты к кому, парень?

– К дяде Мише Парамонову.

– Это в третью парадную, – махнул хмырь рукой в угол двора, а потом добавил. – Ты здесь особо-то не шляйся, а то получишь от Аськиного воздыхателя.

Дверь Лёшке открыло небесное создание: уже не девочка, но еще и не девушка, а нечто нежное, свежее и прекрасное, как цветок айвы на фоне синего неба, которым Лёшка любовался, будучи на Украине у бабушки в гостях. Одеревневшим языком Лешка с трудом выдавил, что он пришел к Михаилу Васильевичу.

– Дедушка, к тебе пришли! – пропело небесное создание.

– Кто там пришёл? Проходи в комнату, – прозвучало из глубины квартиры.

Дядя Миша обрадовался приходу Лешки. Его жена стала готовить чай, а дядя Миша, в ожидании чая предложил Лёшке поиграть в лото.

– Ася, иди к нам. Составь компанию.

Из соседней комнаты вышло небесное создание.

– Знакомься, Ася. Это Лёша, токарь из нашего цеха, – и обращаясь к Лёшке, – а это Ася, моя внучка. Молодые люди пожали руки друг другу.

Через час Лёшка покинул гостеприимную квартиру.

С ключом в кармане и с пронзённым навывлет сердцем. Придворная публика проводила его неприязненными взглядами.

В пятницу, в обеденный перерыв возле козлятников появилась Лидия Степановна, страхагент из профкома:

– Ребята, кто хочет навестить Парамонова. Профком деньги выделил на гостинец.

– Я хочу! – немедленно отозвался Лёшка. – А, что купить-то нужно?

– Ну, там торт, яблоки...

Лёшка купил бутылку водки и хорошую закуску. Яблоки он купил тоже.

Когда Лёшка с гостинцами вошел в парадную, за ним вошли три парня, все трое под хмельком.

– Постой, мудило! – крикнул один из них.

Лёшка остановился прямо у Асиной квартиры.

– Тебе было сказано, чтобы ты здесь не шастал?

– Было. Ну и что?

– А, то! Раз слов не понял – получай!

Удары посыпались со всех сторон. Лёшка стал оседать. И тут открылась дверь: на шум вышел Асин папа. Нападавшие вмиг скатились по лестнице вниз.

Лёшка лежал на оттоманке, а Ася нежно и аккуратно, чуть не плача, обрабатывала его ссадины и синяки. Прикосновение её пальчиков почти снимало боль.

– Лёша, ты больше к нам не приходи. А то покалечат.

– А как же я смогу тебя увидеть?

– Если ты -хочешь – я буду сама к тебе приходить.

Ася ещё что-то говорила жалостливое и ласковое, а Лёшка молчал, радовался и думал: «Как хорошо, что меня отметили!»

НЕДОСТУПНАЯ ФИФА

Кировский проспект, дом 73—75

По утрам и «двойки», и «тройки», и другие трамваи, которые шли в центр, были увешаны гроздьями людей. Народ густо пучился на подножках и на «колбасе». Он ехал на работу, на которую никак нельзя было опоздать. Нет, опоздать-то, конечно, можно, но невыгодно, так как за опоздание пойдешь под суд, а суд присудит от трех до шести месяцев исправительных работ по месту работы с вычетом 25—50% зар-

платы. Кому это нужно? Вот народ и набивался в транспорт до невозможной плотности, вот он и висел снаружи, цепляясь за поручни и различные выступы.

Василь Гениатулин, классный токарь и заядлый козлятник, в транспорт не набивался. На работу из Новой деревни он в бесснежный период добирался на велике.

Хомутик поводковый

Лешка Барсуков ему завидовал. Он тоже хотел ездить на велосипеде, он умел ездить на велосипеде, но велосипеда никогда не имел. А прокатиться очень хотелось. Однажды после смены, когда Гениатулин, как обычно, засел за «козла», Лешка попросил у него разрешения прокатиться на его

транспортном средстве. Василь немного подумал, а затем с неохотой процедил: «Десять минут. Не больше». Лёшка птахой вылетел из проходной, взял на стоянке велосипед Василя, оседлал его и рванул на Кировский. Он с восторгом несся по проспекту, всюю нажимая на педели, не притормаживая даже на перекрестках. А чего притормаживать-то? Машин мало, перекрестки пусты.

Он решил доехать до Малой Невки и повернуть назад. Уже показался мост. И тут перед ним возникла девушка, фифа в коротком крепдешинном платье. Она сошла с трамвая и перебежала дорогу.

Он взял влево, и фифа – назад, он —вправо, и она вперёд. Лешка резко тормознул и, не успев выставить ногу, повалился на бок.

Острый край поребрика прорвал штанину и содрал кожу на лодыжке. Потекла кровь.

Девушка растерялась, испугалась, расстроилась. Она стояла, не зная, что делать. Затем до неё дошло, что парню-то нужно помочь. Когда Лешка поднялся с асфальта, она взяла его за руку и безапелляционно заявила:

– Немедленно ко мне! Я вас перевяжу.

– Да ладно. Так пройдет.

– Не пройдет. Смотрите как сочится.

– А это далеко?

– Да вот мой дом.

Девушка указало на большой красивый дом, который возвышался тут же, возле сада им. Дзержинского.

Когда вошли в обширную парадную, Лешку поразила ковровая дорожка, зеркала и цветы. За столом сидел бородатый швейцар.

– Иван Васильевич, – обратилась к нему девушка, – пусть велосипед немного постоит в прихожей. Он вам не помешает?

– Нет, Софья Петровна, на помешает.

Когда они подошли к лифту, швейцар поднялся:

– Вас сопроводить?

– Спасибо, Иван Васильевич, Мы сами.

Поднялись на третий этаж. Соня позвонила. Дверь открыла скромно одетая женщина, очевидно домработница. Соня тут же её отпустила.

Из полутемной прихожей вкусно тянуло кофе и ванилью. Они прошли в непомерно большую комнату, посреди которой стоял белый рояль. Обстановка была, по Лешкиному мнению, богатая: тяжелые шторы, ковры, полированная мебель. Да что там богатая. Для молодого работяги, обитавшего вместе с бабушкой и мамой в четырнадцатиметровой комнате это были настоящие барские хоромы.

Соня провела Лешку в ванную комнату и предложила закатать штанину, снять ботинок и носок, а ногу поместить в ванну. Лешка засмутился: его рабочие ботинки и штаны, ну и носки, конечно, вступали по чистоте в явный диссонанс со стерильной обстановкой ванной комнаты. Соня деликатно этого диссонанса «не заметила».

– Кстати, как вас звать, мой дорогой пациент? – обратилась к Лешке отошедшая от шока Соня.

Тот ответил.

После обработки раны и её перевязки, Соня распорядилась:

– Алексей, вы обувайтесь, а я пойду сварю кофе, Посидим, перекусим.

Какой там кофе. Гениатулин уже наверное кроет его на чем свет стоит. Лешка категорически отказался от кофе, сославшись на необходимость срочно быть на заводе.

– Жаль. Тогда оставьте номер телефона, чтобы я смогла узнать, как проходит заживление раны.

Лешка написал на листочке номер своего коммунального телефона, поблагодарил за оказанную помощь и скоренько выкатился из богатой квартиры.

От Гениатулина ему конечно же досталось. Отчитав Лешку последними словами, он наконец нормально спросил:

– Где ты мотался-то, мудило?

Лешка поведал о своем падении, думая, что Василь почувствует ему. Куда там, Гениатулин завелся по новой:

– Верно говорят: «Инструменты и велик не давай в чужие

руки – испортят». Хрен ты у меня теперь что-нибудь получишь.

Лёшка огорчился. Гениатулин был зажиточный мужик. У него в тумбочке хранилась целая инструменталка. Лёшка часто клянчил у Василя то вороток, то хомутик.

Лешка с нетерпением и тревогой ждал Сониного звонка. Девушка ему очень понравилась. Она заметно отличалась от сухощавых заводских девчат. И красотой, и ухоженностью, и поведением и даже пахла она по другому. Лешка понимал, что она ему не пара, но надеялся: а вдруг!

А звонка все не было и не было. Лишь на четвертый день к нему в комнату постучалась соседка: «Леша, тебя к телефону. Девушка».

Лешка взял трубку:

– Алё. Я слушаю.

– Алексей, здравствуйте. Как ваше здоровье, как нога?

– Здравствуйте, Соня! С ногой все в порядке. Ранка затянулась. Я снял повязку.

– Ну и слава богу. А то я переживала. Желаю вам полного выздоровления. До свидания.

– До свидания.

До какого свидания, когда она даже номер своего телефона не сообщила? Лешка мечтал о встрече с Соней, но как этого добиться он не знал, Не пойдешь же к ней на квартиру, раз не звали.

На Лешку нашел бзик. Все свободное время он тратил на прогулки возле Сониного дома. Он ходил туда и обратно между садом Дзержинского и «Молокосоюзом» в надежде увидеть Соню. И однажды он её увидел.

Она шла рядом с видной женщиной, очевидно её мамой. Соня сразу же узнала Лешку. Она остановилась:

– Здравствуйте, Алексей. Что вы делаете в наших краях?

– Да вот иду с репетиции, – соврал Лешка.

– Мама, это тот молодой человек, – обратилась Соня к маме, – который из-за меня повредил ногу.

Алексей протянул женщине руку для знакомства:

– Алексей.

Сонина мама протянула два пальца.

Эти два пальца не только сняли Лешкин бзик, но и вызвали в душе его волну негодования:

– Везде бубнят: «Пролетариат, передовой класс, гегемон». А гегемон обитает в занюханной коммуналке, трескает субпродукты и жмет пальцы советским буржуям, живущим в шикарных домах.

Насчет буржуев Лешка был неправ. В упомянутом в рассказе доме (73—75) жили не буржуи, а люди, приносившие государству заметно большую пользу, чем токарь Барсуков. Например:

физик П. Л. Капица,

историк С. Ф. Платонов,

математик Г. М. Фихтенгольц,

физик И. В. Курчатов,

поэт И.А.Заболоцкий

физик Я.И.Френкель и другие известные деятели науки и культуры.

Конечно, бытие определяет сознание. Конечно, сознание

жильцов дома 73—75 отличалось от сознания токаря Барсукова и от сознания его товарищей. Он это понял и поставил крест на красивой девушке из дома 73—75, папа которой был наверняка не простым человеком.

Освободившись от бзика, Лешка позвонил в воскресенье Клавке-револьверщице:

– Клава, ты сегодня свободна?

– Как ветер мая!

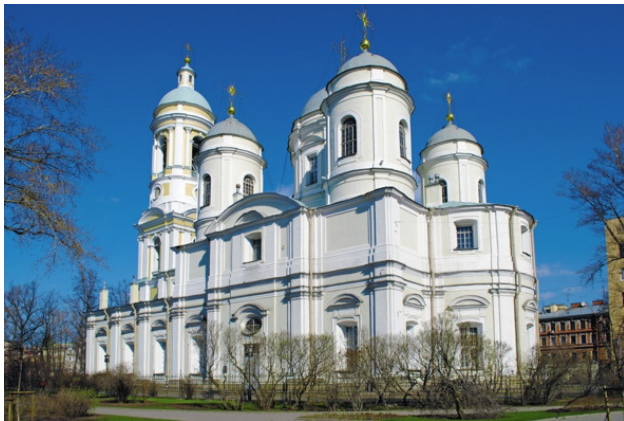
– Давай заберемся на Исаакий. Посмотрим на город с высоты птичьего полета.

– Хорошая идея!

– Спускайся через 15 минут. Я буду ждать тебя у подъезда.

«Вот так. Каждый сверчок...», – подумал Лешка и в принципе был неправ.

ПАСХА

Князь-Владимирский собор

Всю страстную седмицу коммунистические идеологи пахали как карлы, отвращая трудящихся от опиума для народа. Плакаты, лекции, беседы, спектакли, агитконцерты – всё было подчинено антирелигиозной пропаганде. Своего пика этот кипёж достигал в Великую субботу.

Чтобы у трудяг не возникло мысли посетить праздничную, пасхальную церковь, на заводы приезжали артисты, певцы, танцоры, циркачи, оркестры. Повсеместно организовывались вечера танцев. Раздавались бесплатные билеты

в театры и в кино.

К окончанию смены на «Линотип» прибыла труппа Театра эстрады. Центральный пролет инструментального цеха был забит народом. Кому не досталось места на скамейках, сидели на подоконниках, на станках и даже в кабине подъемного крана. Ну как же! В то время не было телевизоров. На артистов, как теперь, глаза не были намозолены.

Программа была стандартной: певица с парой романсов, молодой жонглер-эксцентрик, «Карусель» на аккордеоне, юморист, морская чечетка и т. п. Заводчане принимали все номера на бис.

В конце концерта конферансье торжественно объявил:

– Клавдия Ивановна Шульженко!

– А-а-а!!!

– ...приедет в следующий раз.

– У-у-у!!! Бей гада!

Народ агрессивно двинулся к сцене.

К Барсукову подошел Генка. Его старый и хороший друг:

– Пойдем, Лешка, пивком побалуемся. Здесь уже ничего интересного не будет.

– Ага! Только не с ларька, а зайдем в пивную на Кировском. Там сардельки вкусные.

– Нет вопросов!

После двух кружек начались фантазии на тему: «Как провести остатный вечер?».

Дружить с Генкой становилось все труднее и опаснее. Его, по Лешкиным наблюдениям, знала вся петроградская гопота. И не только петроградская. Василеостровской шпане он тоже был известен. Когда традиционно 5 мая в жесткой рукопашной схватке, сходились на Тучковом мосту васькинцы и петроградские, Генка был в первом ряду, плечом к плечу с записными петроградскими амбалами. И брал он не плечами, которые у него были не ахти какими широкими, а брал неукротимым натиском и своей зверской физиономией, вид которой деморализовывал противника. В драке использовались только кулаки. применять какое-либо холодное оружие запрещалось, но Генка на всякий случай засовывал за пояс шабер: «Знаем мы этих васькинцев. От них так и жди под-

ЛЯНКИ».

Шабер

Генку окружала напряженная, тревожная атмосфера. То к нему предъявляли претензии какие-то темные типы, то он взыскивал со своих недоброжелателей моральные и денежные долги. Часто такие контакты заканчивались потасовками, в которых доставалось и Лешке.

– Гена, ты завязывай с улицей-то. Так и на перо нарваться не долго, – резонировал Лешка своего друга.

– А-а-а, чему быть, того не миновать.

– Тоже мне, фаталист.

Встречаясь вечерами, друзья первым делом соображали куда же им направить свои стопы. Чтобы не шляться, как обычно, в поисках острых ощущений по Большому и Скоро-

ходовой, Лешка иногда искушал друга прелестями Невского, новым фильмом, праздничной атмосферой катка. А однажды он затащил Генку в Малый оперный на «Севильского цирюльника». Опера другу не понравилась.

После двух кружек Лешка не стал звать друга в кино или на каток. Он сделал нестандартное предложение, навеянное настырной антирелигиозной пропагандой:

– Генка, завтра Пасха. Нынче в полночь в церкви начнется праздничная служба. Пойдем, посмотрим.

– Пойдем, – неожиданно быстро согласился Генка. – Там общага рядом, заодно зайду кой-какие вопросы решить.

От Большого, на вход в Князь-Владимирский собор тянулась очередь. Друзья встали в конец её. Очередь двигалась быстро, и вскоре они оказались на паперти. Еще в пивной Лешка предупредил Генку, чтобы тот вел себя в храме скромно и не оскорблял чувства верующих. Перед приговором они сняли шапки и перекрестились как могли. Заметив, что все крестятся трижды, они торопливо добавили еще по два крестных знамения.

В храме стояла тишина: полунощница еще не начиналась. В полумраке теплилось несколько свечек. По центру, попе-

рек главного зала тянулся черный занавес. Очередь заходила за занавес с правой стороны, а выходила с левой, покидая храм через боковую дверь.

Лешка из рассказов своей верующей бабушки знал, что за занавесом должен быть разостлан на катафалке большой плат с изображением Иисуса, снятого с креста. Этому куску материи, называемому плащаницей, и поклоняются верующие: кто крестится, кто кланяется, а кто и прикладывается.

У Генки не было верующей бабушки и он этого не знал. Поэтому, когда он в темноте разглядел, что люди, идущие перед ним, склоняются над столом, покрытым ковром и чего-то там делают, то решил, что это православные жертвуют деньги на церковные нужды. Когда подошла и его очередь поклониться «Христу во гробе», он, чтоб не оскорблять чувства верующих, выгреб из кармана всю мелочь и осыпал пятаками и гривенниками лик Спасителя.

Что здесь началось! Верующие взвыли, откуда-то набежали старушечки и стали мутузить богохульника своими острыми кулачками, затем появились два крепких мужика, они взяли Генку под руки, подтащили к выходу и мощным поджопником выбили его из храма.

Друзья устроились на холодной скамейке в прицерковном

сквере. Площадь перед собором уже была полностью заполнена верующими, а народ все прибывал и прибывал. Вот-вот должен был начаться крестный ход. Предстоящая торжественная церемония Генку не интересовала, он без конца сокрушенно чертыхался, вспоминая свою досадную оплошность. А Лешка тихо ржал. Это раздражало Генку:

– Кончай! А то врежу!

Но Лешка не мог прекратить смех. Как только перед его взором возникала картинка летящего в мокрый и грязный снег Генки с нелепо растопыренными руками и ногами, он сразу же выдавал очередной ржачный всплеск. Чтобы не конфликтовать Генка пробурчал:

– Ладно, веселись. А я в общагу загляну.

Из общежития Генка выскочил минут через пять. Он нырнул в толпу и растворился в ней. Вслед за ним выскочили несколько рассерженных юношей. Они побегали перед толпой, потом сошлись в кучку, безнадежно помахали руками и убрались восвояси.

Генка возник неожиданно. Лешка накинулся на друга:

– Чудило, тебя ж пришьют обязательно!

– Все может быть. Действительно, что-то в последнее время у меня везде перебор.

– Ген, прекращай эти подозрительные встречи, «очко» черт знает с кем, мухлеж с тряпьем, «Тройной» из горлышка, связи с подсевшими на «план». Все это к добру не приведет.

– Да, знаю я. А что делать вечерами? Дома сидеть? Или переться в твои оперы, музеи, где у меня от зевоты скулы сводит?

В храме разлился свет, послышалось хоровое пение, зазвонили колокола. Христос воскрес!

– Ты сколько классов закончил? – задал неожиданный вопрос Лешка.

– Семь.

– И я —семь. Давай за лето подтянем русский и математику, а по осени пойдем учиться в вечернюю школу. А там, глядишь, и в институт поступим. А! Ведь не вечно же ты будешь «Генка с инструментального». Да и мне до шестидесяти лет стоять у станка, что-то не хочется.

Генка долго молчал. Думал. А затем медленно произнес:

– В этом что-то есть. Можно попробовать.

Вот так, под звон колоколов, под радостные пасхальные песнопения приняли друзья решение, которое резко изменило их жизнь.

ТОПОР КАК СИМВОЛ

Мартовская мимоза

Торт перевернулся и всеми своими масляными розами плюхнулся на грязный, асфальтовый пол. Все воскликнули: «Ой!». Всклик был громким, поскольку всех было много. У стола, накрытого красной материей, сгрудились работники как механического так и слесарного участка ремонтного цеха. Они собрались, чтобы поздравить женщин своего цеха с Международным женским днем. Сегодня было 8-е марта 1951 года.

В послевоенные сталинские времена день 8-го марта – это теплый, радостный, светлый праздник. Приход его с нетер-

пением ожидался не только женщинами, но и мужчинами. А, как же! Ежегодно перед женским днем правительство снижало цены на продовольствие и промтовары. Причем снижало очень значительно: от 10% до 25%. Это ж так здорово! Это ж так поднимало оптимизм общества!

На столе в ряд размещались торты, лежали букетики мимозы, стояли фарфоровые вазочки. Процесс вручения подарков проходил спокойно и размеренно до тех пор пока к столу не подошла тетя Паша.

Васильева Прасковья Семеновна заведовала инструментальной кладовой. Оклад на этой должности полагался небольшой, что-то около 700 рублей. Вот на эти скромные рублики она жила сама и поднимала двух детей. Муж-то с войны не вернулся.

Старшего Женьку она пристроила учеником токаря и он уже стал немного зарабатывать. А что касается девочки, которая училась в шестом классе, то мама и сын решили, что они вытянутся в нитку, но дадут ей возможность закончить десятилетку и поступить в институт.

Ни осетрины, ни буженины, ни сервелатов, ни тем более тортов на столе у Васильевых не водилось. Правда, к Новому году Паша делала «наполеон», но эта самоделка не шла ни

в какое сравнение с фирменными красавцами, которых она никогда не покупала и поэтому не знала, что коробку с тортом нужно держать снизу, а иначе, при подъеме коробки, основание её вместе с тортом пойдет вниз, вывалится.

Вот именно это и случилось, когда Васильева взяла предназначенную ей коробку с тортом. Расстройству Паши не было границ. Хорошо, что у устроителей торжеств имелся резервный торт. Благодаря ему Пашина оплошность была компенсирована.

Паша сидела в инструменталке и улыбалась: торт получила, оклад увеличили на 50 рублей, перед праздником премию выдали, цены снизились, дочка четверть закончила на сплошные «отл». Жизнь становилась все лучше и лучше. Правда, медленно, но становилась.

Лерка М10 х1,0

Паша оглядела своё хозяйство, затем подровняв ящички с инструментами. озаботилась: «Надо бы заказать лерок на 10 и на 12. Что-то они быстро расходуются».

Этот тортовый эпизод многолетней давности Барсуков вспомнил в марте 2017 года. Он шел по Большому Сампсониевскому (быв. проспект Карла Маркса), а навстречу ему тянулись женщины с обязательным пучком засохшей мимозы или с одинокой розой на длинном стебле. Сегодня они были именинницами, сегодня их чествовали.

Однако, несмотря на праздник, лица женщин радости не излучали, а наоборот, выражали озабоченность. Это было неестественно, это было неправдоподобно. Как это может быть, чтобы женщины в свой единственный праздник портили собственную внешность нахмуренными бровями?

А, что поделаешь? Заботы и тревоги не отступают и в праздник, и тяготят они не только женщин.

Мы уже притерпелись, попривыкли, а иностранцы неизменно отмечают, что лица большинства русских людей хмурые и даже мрачные. А откуда взяться радости, оптимизму если цены в стране неудержимо растут буквально на все.

Не только на продовольствие и промтовары, но и на бензин, лекарства, электроэнергию, воду, транспорт, услуги. Пожилые люди часто прикидывают: что дешевле – лечиться или умереть. А еще законы. Что ни новый закон, то все не в пользу бедных. Какое уж тут веселье?

Конечно, не все русские в миноре. Например, у Премьера всегда радостное лицо. Очевидно, он считает, что рост цен – это либеральное благо.

Председатель Совета министров И.В.Сталин, который был не глупее нашего Премьера, так сформулировал цель всей деятельности социалистического государства – «Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества».

Интересно было бы услышать из уст нашего Премьера (желательно в одном предложении), куда направлена вся деятельность такого государства, как Российская Федерация.

У Барсукова, как сувенир, хранился социалистический колун. Этот колун являл собой символ стабильности. На его обухе было отлито: «Ц.3 р». Железная цена! Сегодня – 3 рубля и через неделю – 3 рубля, и через год – 3 рубля. И так на все. И не нужно было продавцам скакать по стеллажам

и почти ежедневно менять ценники.

Советское государство было уникальным государством. В нем единственном не было кризисов, девальвации, безработицы, как не было и сопутствующей всему этому накали типа проституток, килеров, олигархов, бомжей, наркоторговцев, миллионеров и т. п. Нет, вообще-то они были, но подпольно, в малом количестве, и с ними активно боролось государство, используя гуманные советские законы.

Барсуков с вершины своих годов мог совершенно объективно сравнивать социалистическую республику и капиталистическую федерацию. И при таком сравнении РСФСР ему нравилась больше, чем РФ. Конечно, и в РСФСР были недостатки, но их нужно было устранять, а не выплескивать воду вместе с ребенком.

Начали с тортов, тортами и закончим. Следует прямо сказать, что социалистические торты были лучше капиталистических. В них отсутствовало пальмовое масло.

БАС-БАЛАЛАЙКА

Сад им. Ф. Э. Дзержинского (ныне Лопухинский сад)

Люська была славной девушкой, то есть, везде, где проявлялась её деятельность, она чем-нибудь да славилась.

В цеху за ней закрепилась слава стахановки-многостаночницы. Она всегда перевыполняла план и получала благодарности, вымпелы, премии.

В кампаниях по подписке на Госзаем она отличалась тем, что всегда подписывалась на две зарплаты. Профсоюзники славили её за это на всех углах.

При игре в волейбол парни охотно брали её в команду. Она славилась удивительной прыгучестью и выполняла неотразимые «колы».

И кровь она сдавала активнее всех. Наверное в ней было много крови, причем бурной, горячей. Люська была задорной, жизнерадостной, любвеобильной. За ней прочно закрепилась слава давалки, причем давалки-любительницы, то есть бескорыстной, ничего не требующей, ни на что не претендующей партнерши.

И в заводском оркестре мандолинистов, где она сидела на первых мандолинах, она славилась удивительной подвижностью пальчиков, что позволяло ей без напряжения исполнять виртуозные пьесы. Александр Федорович, руководитель оркестра, её очень ценил.

Вот и сейчас он сидел с ней, помогая разучивать сложную партию. Сидел он с ней неспроста. Он готовил оркестр к ответственному, публичному выступлению.

Раньше, по воскресеньям в Ленинграде было много музыки. С утра по улицам и проспектам начинали движение военные. Это курсанты многочисленных военных училищ учили строевую прогулку.

На гром военного оркестра со всех дворов слетались пацаны, ну и девушки, конечно, проявляли интерес. А про бывших военных, про ветеранов и говорить нечего: праздник души.

Курсанты с знаменем впереди колонны, под звуки оркестра и рокот ротных барабанов церемонно отбивали шаг, демонстрируя народу отличную строевую подготовку. А народ одобрительно аплодировал и приветственно махал руками.

Махал рукой и Лешка Барсуков, еще не зная, что для курсантов такая прогулка есть натуральное занудство. Это он узнает, когда сам станет курсантом, когда вместо увольнения и общения с любимой девушкой придется ему вместе с товарищами полировать мостовую.

Ближе к вечеру в садах и парках начинали звучать с эстрад духовые оркестры со своими вальсами и польками и оркестры народных инструментов. Эти музыкальные коллективы по очереди выделялись заводами и предприятиями.

В следующее воскресенье наступала очередь «Линотипу» обеспечивать музыкальное обслуживание сада им. Дзержинского. Бывший Лопухинский сад являлся настоящим украшением Петроградской стороны. Красивый особняк (дача

Громова), в котором размещался ДПШа, изящные мостики через воды, гроты, памятник Дзержинскому из литого бетона (разрушен в 1992 году), ну и дубы в окружение которых располагалась эстрада, где и должны были выступать музыканты «Линотипа».

garage63.ru

Развёртка М30

Если для заводского духового оркестра публичное выступление было обычным актом (большой опыт, солидный

репертуар, полноценный квалифицированный состав), то для молодого ансамбля мандолин выступление на широкой публике являлось натуральным стрессом. Особенно волновался Лёшка. Из-за неосторожного обращения с развёрткой он сильно порезал указательный палец на правой руке. Рану перевязали в санчасти и теперь прижимать медиатор забинтованным пальцем стало очень неудобно. Лёшка вышел из положения. Он медиатор зафиксировал на бинте канцелярским клеем.

Александр Федорович весь извелся. Оркестром было ружучено всего лишь шесть вещиц, оркестранты – сплошь новички, отсутствовала басовая поддержка. Ну какие это музыканты?

Профсоюзники успокаивали Александра Федоровича, мол, ничего страшного, садовая публика – благосклонная публика. Тем не менее руководитель мандолинистов принял некоторые превентивные меры. Он из ДК им. Первой пятилетки взял на прокат бас-балалайку с басистом, а для придания гладкости первым партиям выклянчал у духовиков одного флейтиста. Длительные репетиции оркестра проводились ежевечерне.

Александр Федорович волновался зря. Выступление оркестра прошло почти на бис. Отдыхающему люду мандоли-

ны с гитарами понравились, а то, что оркестр трижды исполнил одну и ту же программу, никто и не заметил.

Довольные хорошим результатом, мадолинисты после выпития освежились пивком у ларька и разошлись по своим домам. Александр Федорович попросил Лешку Барсукова (поскольку тому было по пути) занести бас-балалайку на завод и разместить её в гримерной.

Так как Люське было тоже по пути, то она вызвалась помочь Лешке. Она понесла свою мандолину и мандолину приятеля, а Лешка взгромоздил объемный инструмент себе на плечо.

За болтовней и шутками путь до завода показался коротким. Достигнув завода, парочка поднялась на второй этаж, открыла дверь гримерной, расположенной рядом с актовым залом и разместила в углу балалайку. Молодые люди оказались один на один друг с другом.

Когда женщина и мужчина остаются наедине у них инстинктивно возникают мысли о сближении. Возникли такие мысли и у Лешки с Люськой. Мысли-то возникли, да вот только сближаться было не на чем: кроме трех стульев и низкого столика с большим зеркалом на нем, в гримерке из мебели ничего больше не было. Сближаться же на грязном по-

лу или стоя как-то не очень хотелось.

«Отвернись», – сказала Люська. Лешка послушно отвернулся. Девушка стащила с себя платье, освободилась от трико. После чего она нагнулась, оперлась руками на гримерный столик и изящно оттопырила попку: «Я готова».

Лешка обалдел. Он давно мечтал о такой позе, но предложить её какой-либо девушке стеснялся. Вдруг она оскорбиться: «Что я сучка, что ли?» А тут вдруг такая лафа!

Когда Лешка в процессе акта поднял голову и увидел в зеркале себя и Люську, жаркая волна страсти дополнительно прокатилась по его телу. Оказалось, что совершать акт и одновременно созерцать его – это очень острое и яркое наслаждение.

Историк в вечерней школе, где учился Лешка, очень любил рассказывать на уроках о любовных похождениях исторических героев. Особенно он заливался, описывая быт двора в эпоху Екатерины Великой.

По его словам Екатерина имела полностью озеркаленный интимный кабинет, куда она любила уединяться со своим очередным фаворитом. От таких исторических пикантностей девушки фыркали, а парни ударялись в скепсис: «К че-

му такие выверты?»»

И из всех, присутствовавших в классе, только Лешка одобрительно оценивал изобретательность матушки-царицы. Ему-то были известны положительные свойства зеркала.

рЕВЕ ТА СТОГНЕ

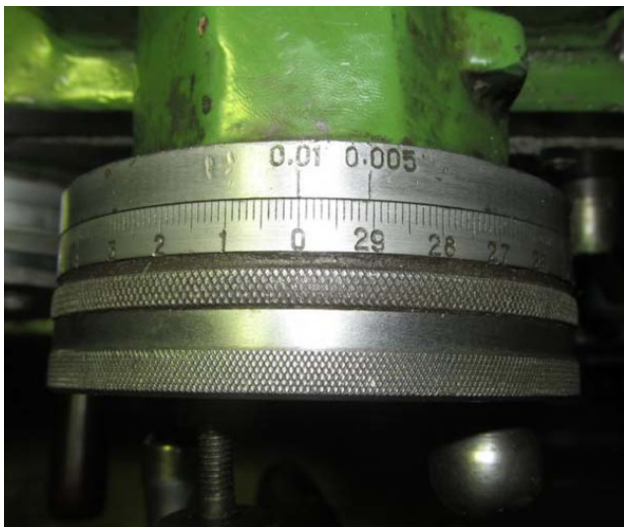
Памятник Т. Г. Шевченку на одноимённой площади

Из кузницы привезли партию быстрорежущих токарных резцов. Народ их быстро расхватал. Больше всех захапал расточник Никола. Лешке не досталось ничего. Он в момент поступления резцов базарил в ОТК, доказывая соответствие выточенных им втулок чертежу.

Любка-контролер была красивой девушкой, фигуристой. Поэтому Лешке нравилось с ней пререкаться. К своему станку он спешил не очень

Быстрорежущий резец – это хороший инструмент, он каждому нужен. Обделенный Лёшка решил выключить пару другую быстрорезов у запасливого расточника.

Никола заканчивал обработку крупного корпуса передней бабки. Осталось сделать последний проход. Осталось снять последние пять соток с отверстия, предназначенного для установки в нём большого подшипника.

Нониус поперечной подачи

Никола выбрал на нониусе эти пять соток и запустил ста-

нок. Вот тут-то к нему и подошел Лешка:

– Никола, дай парочку быстрорезов. Говорят, ты их много отхватил.

– Отвали. Знаешь же мудрость: «Что хохлу попало, то пропало».

– Да на хрена тебе так много?

– Запас карман не тяготит.

Никола был родом из маленького украинского города Пологи. Поскольку в Пологах не было ни Эрмитажа, ни Оружейной палаты, а гордится чем-то хотелось, то Никола во всю гордился тем, что Жемчужина, жена Молотова, тоже была родом из Полог. А еще Никола гордился Тарасом Шевченко. Литографический портрет Кобзаря был приклеен к внутренней стороне дверцы, что закрывала его инструментальную тумбочку.

Лёшка удивлялся дифирамбам, овевавшим личность Шевченко. Недавно в ШРМ девятиклассники проходили поэзию Шевченко. Лёшке стихи Тараса Григорьевича не понравились. По его мнению стихи эти были вовсе и не стихи, а так, простенькие вирши. Но с другой стороны не зря же

крупные петербургские литераторы пришли проводить поэта в последний путь. И Ф. Достоевский, и Н. Некрасов, и М. Салтыков-Щедрин, и Н. Чернышевский. Видать что-то в этом Кобзаре было, видать чего-то в этом вопросе Лёшка не дотягивал.

Из-за резцов оба токаря разругались, рассобачились, помахались руками, но драться не стали. Завершая «дискуссию», Лешка заверил оппонента:

– На твою хохляцкую мудрость, гражданин хороший, отведу русской мудростью:

«На хитрую жопу есть болт с червячной резьбой».

– На что намекаешь?!_

– Да, так. Вообще.

Вдруг лицо Николы исказилось и он завопил:

– А-а-а!!! Сука! Отливку запорол! Из-за тебя!

Токарно-расточной станок работает по такому же принципу, что и токарно-винторезный. Только у последнего вращается деталь, а резец совершает поступательное движение,

у расточного же станка наоборот – вращается резец, а крупная деталь, закреплённая на столе, совершает поступательное движение.

Работа на расточном станке не сложная: знай растачивай отверстия, но ответственная, требующая внимания. Потому как – одно дело запороть какой -нибудь фланец (взял новую болванку да выточил фланец вновь), ио совсем другое дело запороть большую отливку или поковку. В этом случае с виновника сдерут приличный штраф.

Скорее всего, во время «дискуссии» кто-то из оппонентов задел рукоятку подачи и сбил резец, который, пока Лёшка с Николой ссорились, снял с отверстия не какие-то там сотки, а целых два миллиметра. Кошмар!

Лёшка некоторое время слушал изрыгание мата из уст Николы, а потом одернул его:

– Хватит ахать да материться. Давай исправлять ошибку.

– Как!?

– Просто. У тебя в отверстии не вал будет вращаться?

– Нет. Будет подшипник стоять.

– Ну, тогда слушай. Сними с отверстия еще 10 миллиметров, а я выточу кольцо под чертежный размер. И всё! Запрессуем мы это колечко в отверстие и все будет в лучшем виде. Халтуры никто не заметит, а качество детали не ухудшится.

Вечерком, когда мастера ушли, токаря провернули эту операцию. После запрессовки кольца Никола, для надёжности, закернил его, разок прошелся резцом по торцу отливки и всё, и полный порядок.

Никола отомкнул тумбочку извлек из неё три резца и с улыбкой вручил Лешки:

– Держи. Долг платежом красен.

– Что-то мы сегодня всё пословицами калякаем.

– Можно и не пословицами. Можно и в растяжку поговорить.

– Это идея!

И отправились приятели в пивную.

Это очень здорово после рабочего дня, усталыми, голод-

ными, устроится за столом в шумном зале, где половина посетителей – знакомые. Где всюду идут споры и оцениваются шансы «Зенита» в предстоящей встрече со «Спартаком» (тогда ещё играли в футбол). Устроится и опрокинуть соточку, а затем начать расправляться с горячими, толстыми сардельками, запивая их жигулёвским. Что? расправились и не добрали? А, кто вам мешает сделать второй заказ?

Наверное, наши халтурщики так и поступили. Когда они вышли из пивной, то обнялись и двинулись в сторону Промки, базлая на весь Кпровский:

– Реве та стогне Днипр широкий...

Теперь такого представления быть не может, а все потому, что выбросили на свалку умный лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», заменив его какими-то агрессивными кричалками типа: «Москаляку на гиляку!»

В советские-то времена русские и украинцы были (или считались) братьями. Но потом украинского брата поразили коварный вирус и украинцы сказали: «Нет! Мы не братья. Мы от великих укров, а русские – это голодранцы-кацапы от угро-финнов».

Пусть будет так. Но есть вопрос: «Если украинцы такие

благородные. то почему они подпали под влияние галицких, у которых и вера, и песни. и одежда, и говор совершенно отличны о украинских стандартов?»

Это очень хорошо, что украинцы отошли от русских, что мы теперь не братья. Действительно, иметь таких родственников как-то и неудобно.

Даже Польша, совершенно беспринципная в вопросах русофобии, и та стала дистанцироваться от Украины.

Что же касается Шевченко, то в разные периоды отношение к нему было разное.

В сталинские-то времена Тараса Григорьевича чтили. Превозносили. Повсеместно его именем назывались улицы, площади, колхозы, театры, ВУЗы, железнодорожные станции и даже города. Устанавливались памятники. Его стихи переводились на все языки народов СССР. Общий тираж «Кобзаря» перевалил за 8 миллионов.

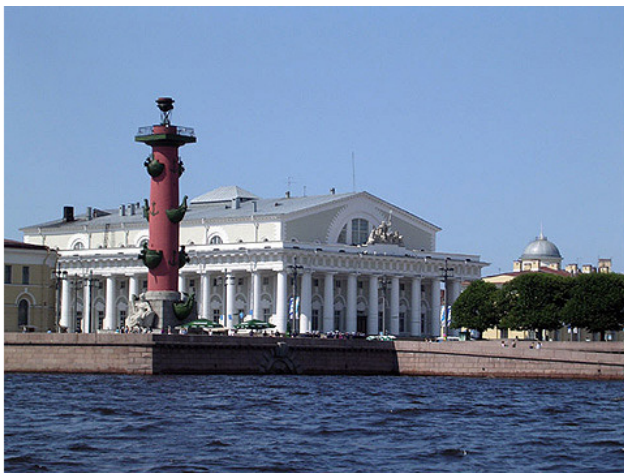
После сталинского барабанного боя уже в наше время нудно загнусили либеральные дуделки: « Шевченко был пьяница и непорядочный человек, его стихи, подправленные опытными литераторами, не выше среднего уровня».

Тем не менее, украинские националисты подняли образ Тараса как хоругвь, как символ борьбы с кацапами, москалями, ватниками.

Хотя Тарас вовсе не был русофобом. Он писал: «Нехай житом-пшеницею, як золотом покрита, не розмежованою останеться навіки од моря і до моря слов'янська земля».

Наверное укры воспринимают эти слова как наказ Шевченки, чтобы от моря и до моря была сплошная Украина.

СКРОМНОСТЬ НЕ УКРАШАЕТ

Какой это сладостный миг – отпуск. Его ждешь целый год. А он действительно миг. Всего лишь две недели. Но зато какие яркие!

Лешка Барсуков открыл глаза и расцвел: на завод идти не надо. Отпуск!

Он вылез из под одеяла, оделся, сполоснулся и поскакал на Малый к пивному ларьку: кончились папиросы. Он принял маленькую пива, купил пачку «Красной звезды» и вер-

нулся домой. Мама, уходя не работу, оставила ему на завтрак оладьи со сметаной и вареньем. Умяв оладьи, он стал думать, как правильно провести первый день отпуска.

Можно было поехать в Приморский парк Победы и на обширном песчаном пляже понежиться на солнце. Можно было у Тучкова, на лодочной станции взять лодку напрокат и по Ждановке спуститься в Малую Невку, а по ней – в залив, где воздух, простор и чайки. Можно было отправиться в Петергоф и насладиться там видом фантастических фонтанов. Можно было все, но одному пользоваться этим всем не очень-то и хотелось, а все друзья и подруги были на работе.

Для начала решил Лешка сделать вылазку на Невский. Потолкаться, прогуляться, зайти в лавку художников и купить кой-какие краски, заглянуть в нотный магазин и порыться в скрипичных альбомах в поисках легких вещиц, доступных для исполнения их на мандолине, посетить фирменный магазин «Открытки», чтобы узнать не появились ли свежие открытки с видами Ленинграда (он их коллекционировал). Ну, а после завалиться в кафе «Восточное» и под коньяк и мороженное, которое там вкусенное, отметить начало отпуска.

Это сейчас с Петроградской до станции «Невский про-

спект» доезжаешь на метро за семь минут. А прежде на такое путешествие уходило полчаса, а то и больше. Но это Лешку не тяготило. Он сел на «тройку» и стал с удовольствием глазеть на дома на Кировском, на памятник «Стерегающему», на минареты мечети. Трамвай въехал на мост и открылись дворцы над Невой, стрелка Васильевского острова. Красотища! Мысленно Лешка поблагодарил Петра за то, что тот основал город в таком экстравагантном месте.

После памятника Суворову он сошел с трамвая, решив дальше идти пешком через Марсово поле. До войны поле называлось площадью Жертв революции. В центре его были захоронены люди, погибшие во время февральских событий и позже. Захоронение было оформлено сурово и монументально в виде квадрата, окруженного мощными стенами из гранитных блоков. На гранитных торцах в четырех проходах были выбиты надписи, сочиненные Луначарским. В центре некрополя и вдоль стен услаждали глаз красивые цветочные крумбы (сейчас все это выглядит более, чем скромно). Лешка прошел через поле, перешел мостик через Мойку и по Садовой, мимо Инженерного замка выкатился на Невский.

Полностью выполнив намеченную программу, Лешка вновь погрузился в «тройку», которая и потащила его домой. Уже подъезжая к своей остановке, он увидел, как какой-то

парень вытаскивает из кармана мужчины кошелек. Лешка немедленно схватил парня за руку и немедленно же получил удар чем-то тяжёлым по голове от его подручного. Оба карманника на ходу спрыгнули с трамвая.

Очнулся бедолага на больничной койке в Эрисманке. Удар оказался не очень сильным и Лешка стал быстро поправляться. Хотя здоровье его улучшилось, его не выписывали целую неделю.

Здесь, в больнице он узнал, что у него куча небезразличных к нему людей. Его навещали как свои фрезеровщики, токаря, шлифовщики, так и ребята с других участков. Группками по двое, по трое приходили девчонки, даже с соседних цехов.

Но особенно его удивило появление в палате Севки Рябцева, хмурого, неприветливого парня. Они не только не корешились, но Севка даже слегка бычился на Лешку. А может быть это только казалось Лешке.

Рябцева только что освободили из следственного изолятора. Загребли Севку по делу банды мошенников. Однако следствие определило, что к художествам мошенников он не имеет никакого касательства. Вообще-то он занимался чем-то туманным, но фактов против него не было. Его вы-

пустили.

Его выпустили, но впечатления поученные им в предва-
риловке были так сильны, что он никак не мог разгладить
складки у губ и распрямить брови. Осведомившись о здоро-
вье, Севка оглянулся, сунул Лешке «маленькую» и начал:

– Через своих пацанов я вызнал кто щипачит на линии
«тройки». Их там семеро. Теперь вычислить твоих обидчи-
ков не вопрос. Опиши мне их.

– Стоит ли, Сева?

– А как же. Зло должно быть наказано. Тем более, что сто-
ящие щипачи до юшки дело не доводят.

– Ну их к черту. С говном связываться.

– Ишь ты какой добренький. Ему чуть башку не проломи-
ли, а он: «не стоит». Ну, смотри, как знаешь. Было бы пред-
ложено.

Не случайно у Рябцева возникли благотворительные чув-
ства к Лешке. У него была сестренка, трогательное, заботли-
вое существо. Она в каждый день полочки появлялась перед
проходной, брала Севку за руку и внушала: «Сева, идем до-

мой. Там мама пирог испекла и хочет чтобы ты поел его пока он тепленький. Давай пошли, пошли». Внушала, внушала и вызволяла брата из компании уже наострившей лыжи в ближнюю пивную.

Девушка работала воспитателем в детском саду. Севка любил сестренку, оберегал её и привечал. У него была проблема, как уберечь девушку от контактов с нехорошими парнями, как свести её с приличным мальчиком. Среди своих знакомых он такого не замечал, да и во дворе одна шпана. И вот он заметил Лешку и решил познакомить его со своей сестрой.

После выписки Лешки из больницы Севка стал проявлять к нему внимание и вскоре они подружились. Он даже разрешал Лёшке использовать кое-какие инструменты из своей тумбочки, в частности, такую нужную штуку, как вращающийся центр.

Вращающийся центр

В свой день рождения Сева пригласил Лешку в гости. Встреча Барсукова с Лёлей (так звали девушку) состоялась.

В юности романы вспыхивают мгновенно. Через некоторое время они уже все свободное время проводили вместе. Девушка млела в Лешкиных руках, но тот приступить к активным действиям не спешил.

Жениться он на Лёле не собирался, а свободная любовь с неизбежным расставанием – это риск получить от Севки в лучшем случае добрых тумачков.

И все-таки неизбежное случилось, Когда они были дома

одни и девушка повисла у него на шее, он крепко её обнял, поцеловал и стал торопливо освобождать от одежд.

Как любовница, Лёля была не яркой, зажатой персоной. Всего-то она стеснялась, любая нетрадиционность ею категорически отвергалась, Она даже свою плоть старалась замаскировать, скрыть сокровенное от Лешкиных глаз

Связь их продолжалась недолго. Месяца через два они тихо, без обид и обличений, разошлись. Кстати, Севка с пониманием отнесся к этому факту, однако дружба между ним и Лешкой как-то испарилась.

Вспоминая это эпизод своей юности, Барсуков испытывал чувство сожаления. Через год после того как юные любовники расстались, Лёля вышла замуж за своего молодого начальника. Гармоничнее и счастливее пары Барсуков не встречал.

А сожалел Лешка не зря. Долго привередничая и перебирая. он в конце концов женился на совершенно стандартной гражданке. И чем она взяла его, он и сам понять не мог.

Так часто бывает. Когда парень долго оценивает, выбирает, то в конце концов, как правило, зависает на какой-нибудь буратине женского рода. Лёшкина жена была отнюдь не буратина, но и не «звезда моих очей». Они вскоре расстались.

ПРОФЕССОР РЕЗ

Пушкинский дом

Барсукову несказанно повезло. Русскому языку и литературе его обучала изумительная учительница, поклонница Лермонтова – Зинаида Яковлевна Рез. Таких русачек в теперешней России днем с огнём не сыщешь.

Однажды она огласила необычное домашнее задание: «Внимательно прочитайте стихотворение Лермонтова „Прощай немытая Россия“ и отметьте, что в этом произведении вам показалось странным».

Нами, чижиками, ничего необычного в стихотворении обнаружено не было: стих как стих, революционной направленности, клеймящий царскую Россию.

– Неужели вы не заметили, что рифма «Россия- голубые», даже не слабая рифа. а вообще – не рифма, – стала внушать нам Зинаида. – Такой небрежности Михаил Юрьевич не допускал ни в одном своём стихотворении.

И ещё. Сказать «немытая Россия» мог только иностранец. Лермонтов-то прекрасно знал, что в каждую субботу вся Россия мылась в парных банях, охаживая себя берёзовыми вениками. Чего в жисть не было в Европах.

Странно и то, что это стихотворение было обнародовано через сорок лет после смерти поэта, а автограф его не найден до сих пор.

– Ну и что? – выдохнул класс.

Зинаида Яковлевна Рез

– Следовательно, можно уверенно утверждать, что не Лермонтов автор этого стих

– Ну и что? Стих-то правильный.

– Правильный. да не очень. Антирусский он.

Нам было безразлично: правильный стих или неправильны. На носу были экзамены. И волновало нас одно: как бы поуспешнее завершить учебный год.

Товарищ Сталин не был фаталистом. В паническом октябре сорок первого, когда крупные советские бюрократы в панике покинули Москву, а вместе с ними – и все те, кто мог удрать, он, оставшись в Кремле, действовал не на авось.

Да, фронт прорван, да, резервов нет, да, враг рядом. Од-

нако, вести свой полк в последний бой, как иногда утверждают коммунисты, он не собирался. И рисковать собой тоже намерения не имел.

Рядом с ним, в здании ГУМа, Берия расположил пять тысяч прекрасно подготовленных бойцов. В крайнем случае они должны были прикрыть посадку вождя и членов Политбюро в легкомоторные самолеты.

Такой посадки не случилось, но группу прикрытия не выпустили, а влили в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД (ОМСБОН). Занималась бригада крупными диверсиями, глубокой разведкой, созданием партизанских отрядов. Набирались в бригаду классные спортсмены (не ниже мастера спорта).

К чему такое длинное вступление? А, к тому, чтобы создать чувство удивления от того, что в это серьезное воинское соединение была призвана студентка Педагогического института Зинаида Рез (отнюдь не спортсменка). Чем она занималась в обществе суровых мужчин? Вопрос!

Она прослужила в Бригаде всю войну, а после демобилизации поступила доучиваться в Ленинградский педагогический институт. Выпустившись из института, Зинаида Яковлевна Рез стала преподавать в старших классах русский

язык и литературу.

Зинаида была умной и способной девушкой, поэтому нет ничего удивительного в том, что она вскоре приступила к написанию кандидатской диссертации на тему о том, как нужно преподавать Лермонтова в школе. Чтобы больше было времени для работы над темой, она попросила перевести её из дневной школы в вечернюю.

Учителя вечерней школы, в которой учился Лешка, понимали, что у их учеников очень мало свободного времени. Поэтому домашние задания были весомыми, но небольшими. А, тут вдруг русачка огорошила. Она задала написать домашнее сочинение на тему: «Моя любимая книга». Многие недовольно заворчали, а Лешка Барсуков обрадовался. Ему нравилось писать сочинения.

В данный момент его любимой книгой был «Спартак» Джованьоли. Лешка азартно взялся за работу и за короткое время исписал пол тетради. Он ожидал похвалы от учительницы, однако на примере его сочинения Зинаида Яковлевна показала аудитории обоих десятых классов, как не надо писать сочинения на вольную тему и предложила всем переписать работу с учетом сделанных замечаний, поскольку они были общими для всех.

Школяры-работяги всюду уважали Зинаиду Яковлевну, эту совершенно милую женщину с умными, добрыми глазами, с мягкой, скромной улыбкой. Им казалось, что она очень мудрая и все знает. Она, наверное, и языками владела, так как совершенно свободно переводила немецкие и французские тексты.

Благодаря мастерству Зинаиды Яковлевны народ уважал литературу и даже грубые пацаны стали почитать Есенина. Она организовала что-то вроде поэтического кружка. Человек десять-двенадцать стали регулярно оставаться после уроков на тридцать минут для обсуждения собственных стихотворных опусов.

Особенно привлекали учеников литературные конкурсы и викторины, где призом для победителя был торт, купленный Зинаидой Яковлевной.

Русачка уговаривала своих учеников посетить Пушкинский дом, другие музеи. Почти силой затаскивала их на классические спектакли. Приносила на уроки пластинки с записями великих актеров. Она имела чисто ленинградское произношение и учила этому своих учеников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.